

УДК 81'374.822

ДВУЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

А.И. Бовсуновская

Аннотация

В работе исследуются *nomina agentis* с суффиксом *-тель* в двуязычных (славяно-латинских) лексиконах украинских книжников Епифания Славинецкого и Арсения Корецкого-Сатановского. Акцентируется внимание на процессе формирования категории глагольного вида, нашедшем отражение в структуре славянских отглагольных лексем и их латинских эквивалентов.

Ключевые слова: *nomina agentis*, вид глагола, соотносительность, двуязычные лексиконы, латинский язык.

Среди источников изучения языка словари занимают важное место. Феномен словаря заключается в том, что сам он является продуктом научной обработки лексического состава языка, фиксируя состояние лексики и регулярных словообразовательных типов на определенном этапе истории языка с опорой на научные достижения своего времени. И он сразу же становится источником синхронического изучения лексики и словообразования этого языкового периода.

В дальнейшем словарь может использоваться и, как показывает практика научных исследований, используется как источник исторического изучения лексического состава и словообразовательной системы данного языка.

Таковыми источниками являются и двуязычные словари.

Они появились в России в XVII в. Первыми двуязычными словарями были лексиконы церковнославянского и латинского языков. Это словари украинских книжников Епифания Славинецкого и Арсения Корецкого-Сатановского: славяно-латинский и латино-славянский.

Оба лексикона создавались примерно в одно и то же время (1642 г. – «Лексикон латинский», 1650-е годы – «Лексикон славяно-латинский»). В составлении обоих лексиконов в разной степени участвовал Е. Славинецкий (В. Нимчук в предисловии к изданию 1973 года пишет, что Славинецкий был автором «Лексикона латинского» и принимал участие в подборе латинского материала для «Лексикона славяно-латинского» [1]), в связи с чем закономерны соответствия между первым и латинской частью второго, а потому при изучении лексических и словообразовательных особенностей представленного материала необходим сопоставительный анализ двух словарей.

Основной функцией словарей была учебная – активное изучение латинского языка как средства живого научного и богословского общения; в этом состоит

их отличие от двуязычных словарей, предназначенных для перевода: они (учебные словари) представляют более обширный материал. Кроме того, специфику словарей определяет и то, что они отражают язык того времени, в которое создавались. XVII век характеризуется поиском норм словообразования, стилистики, это преддверие эпохи нации, в которую сформировались четкие языковые нормы. Процесс нормоопределения находит свое отражение в словаре. Е. Славинецкий не был специалистом-филологом, но он был человеком с классическим европейским образованием, в совершенстве знал латынь, греческий, церковнославянский языки и поэтому мог улавливать происходящие в языке изменения и фиксировать их в своем лексиконе. Особое значение при рассмотрении этих изменений имеет взгляд на славянский материал сквозь призму латинского языка с учетом специфики языкового сознания составителя.

Изучение русского языка в сопоставлении с латинским ограничивается на сегодняшний день проблемами латинских заимствований в русском языке и ботанической и медицинской номенклатуры и терминологии. Сопоставление русской и латинской словообразовательных систем в необходимом объеме в науке не проводилось. В то же время в словообразовательных системах обоих языков протекали процессы, которые можно отнести к универсалиям в системах родственных индоевропейских языков (например, явление обратной соотношенности).

Но латинский лексический материал, представленный в славяно-латинском лексиконе, важен и в решении чисто русских проблем словообразования, в частности уточнения словообразовательной мотивированности отдельных производных слов и даже словообразовательных типов, уточнения словообразовательного значения. Он имеет значение при выявлении фактов словообразовательной синонимии и омонимии в истории русского языка. Все эти проблемы не затрагивались в исследованиях по языку.

В нашу задачу входит анализ структурных особенностей *nomina agentis* с суффиксом *-тель* в Славяно-латинском лексиконе А. Корецкого и Е. Славинецкого (далее – *Слав.*) и в Латинском лексиконе Е. Славинецкого (далее – *Лат.*). В рамках поставленной задачи исследуются латинские эквиваленты, приводимые в Лексиконах Славинецкого и Корецкого.

В системе *nomina agentis* словообразовательный тип с суффиксом *-тель* противопоставлен другим по стилистическим характеристикам: образования данного типа принадлежат славяно-книжной лексике, в отличие от имен с прочими суффиксами. Тип с суффиксом *-тель* является вторым по частотности употребления среди имен действующего лица в *Слав.*

Всего в Лексиконе представлено 181 имя с данным суффиксом.

С точки зрения структуры в исследуемом нами словаре можно выделить две группы имен на *-тель*: образованные путем суффиксации (с одной производящей основой) и сложения (с двумя основами, входящими в производящую базу).

Все суффиксальные имена на *-тель* мотивированы инфинитивами глаголов. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, какие глаголы приводят составители словарей в соседстве с именами на *-тель*.

А. Корецкий располагает слова в *Слав.* по корневым гнездам, большинство имен на *-тель* соседствует с однокорневыми глаголами. Все приводимые здесь глаголы по форме могли бы быть отнесены с современной точки зрения к глаголам несовершенного вида. В то же время многие имена на *-тель* образованы, судя по их структуре, от глаголов совершенного вида, например, **искупитель**, **насадитель**, **потвердитель**. В этой связи встает вопрос: насколько закономерно соотносить имена на *-тель* с отмеченными в словаре однокорневыми глаголами?

Мы отдаем себе отчет в том, что в XVII в. видовые значения были достаточно развиты, но категорически говорить о виде глагола мы еще не можем. «В те периоды истории языка, когда он не был связан достаточно жесткой кодифицированной нормой (а в русском языке она установилась не ранее XVIII в.), развитие морфологической системы, и в частности видовой системы, русского языка представляло собой вероятностный процесс» [5, с. 117–118]. Тем не менее, чтобы избежать в изложении ненужных повторений, мы будем говорить о совершенном и несовершенном виде применительно к XVII веку, памятуя об относительности этого утверждения.

В пользу неслучайности приведенных глагольных лексем свидетельствует то, что многие латинские глаголы являются производящими для латинских соответствий образованиям на *-тель* (*vinco* – **одолеваю**, *victor* – **одолитель**). Однако, с другой стороны, это говорит лишь о том, что составитель (Славинецкий), прекрасно владеющий латинским языком, придавал большое значение структуре латинской части словаря.

Доказательством того, что составители ориентировались на латинский язык и при составлении реестра славянских слов, служит, например, то, что все славянские глаголы приведены в форме первого лица единственного числа настоящего времени (то есть в начальной форме латинских глаголов), а не в инфинитиве.

Глаголы несовершенного вида являлись глаголами, наиболее полно выражающими категории данной части речи. Они имели три времени. В современном русском языке четко прослеживается тенденция мотивировать имена на *-тель* глаголами несовершенного вида. Есть все основания считать, что этот процесс происходил и в XVII в. Славинецкий очень чутко реагировал в словаре на языковые изменения своего времени.

Все имена на *-тель* в *Слав.* можно разделить на две примерно равные группы:

– имена, мотивированные приведенными в словаре глаголами: **вяхтель** – **ваяю**, **гордитель** – **горжү**, **доноситель** – **доношү**, **закалатель** – **закалаю** и др.;

– имена, не мотивированные однокорневыми глаголами, присутствующими в лексиконе: **возбранитель** – **возбраняю**, **запалитель** – **запаляю** и др.

Несовпадения можно объяснить несколькими причинами: во-первых, в задачу составителей не входило отражение соотношенности славянских имен, во-вторых, они стремились приводить глаголы в начальной форме – форме настоящего времени. Помимо ориентации на латинский язык, формы настоящего времени были обусловлены спецификой образований на *-тель*, к которым лексикографы интуитивно подбирали глаголы, имеющие настоящее время, что позже (в XX в.) закрепилось как видовая норма для производящих глаголов при образованиях этого словообразовательного типа.

Иногда искусственность приведенных в словаре глаголов можно объяснить привязанностью Славинецкого к дополнительным, отягощающим структуру, но укрепляющим грамматическую форму глагола элементам [6, с. 201], например, *-ствую*: **дѣтель – дѣйствию** (вм. **дѣю**), **предстатель – предстательствю** (вм. **предстаю**), **свѣдѣтель – свѣдѣтельствю**. Как следствие, возникает обратная соотношенность глаголов на *-ствую* и существительных на *-тель*.

Однако, помимо языковых вкусов и пристрастий составителя словаря, в славянской части лексикона находят отражение и действующие в языке закономерности. Доказательством тому служат обнаруживаемые в словаре «формы с подчеркнутым значением имперфективности» на *-аю*. В.Б. Силина говорит об образовании таких форм от глаголов с рефлексом взаимодействия с *-j-* в основе настоящего времени как непродуктивным способом имперфективации (например, **изыскати – изыскаю**, **связати – связаю** при наличии форм **изыщѹ**, **связжѹ**, «тяготевших к передаче оформлявшегося перфективного значения») [5, с. 119]. Исследователь отмечает использование этого способа с древних времен в старославянском и древнерусском языке и говорит о вытеснении его к XVII веку в связи с неудобством употребления при одном инфинитиве параллельных форм настоящего времени. Примеры использования подобных конструкций у Славинецкого свидетельствуют об отражении в словаре ранних языковых процессов. Впрочем, образование имперфективов с суффиксом *-а-* у последнего не связано с чередованиями в глагольной основе: **основаю**, **оболгаю**, **разсмотряю**.

Другие глагольные образования, приводимые составителем рядом с именами на *-тель*, также иллюстрируют действующие в языке тенденции. Мы имеем в виду формы на *-ую* (предполагающие инфинитив на *-ова-*) и *-ваю*: **познаваю** (**познатель**), **отвѣщаваю** (**отвѣщатель**), **искупяю** (**искупитель**), **наказяю** (**наказатель**), **привожяю** (**привозитель**), **наимяю** (**наиматель**), **окопяю** (**окопатель**). Образованием всех отмеченных форм составитель стремится выразить грамматическое значение настоящего времени (и, как следствие, несовершенного вида). «Вариантные отношения между рядом параллельных суффиксов, обслуживавших нужды глагольной имперфективации, создавали в процессе формирования категории вида условия для образования многочисленных видовых корреляций. И действительно, наряду со складывавшимися видовыми парами, часть которых возникла, очевидно, еще в праславянский период, в древнерусском языке отмечается значительное количество таких видовых корреляций, в которых глаголу перфективному (или общего вида) противостоят несколько однокоренных имперфективных глаголов, оформленных различными суффиксами. Наиболее обширные ряды такого типа насчитывают в своем составе по четыре имперфективных члена (ср. покажу – показаю, показую, показываю и показываю) <...> некоторые из них (в основном ряды с двумя имперфективными вариантами) просуществовали вплоть до XIX в.» [5, с. 123].

Приводимые в соседстве с образованиями на *-тель* глаголы, таким образом, можно отнести к несовершенному виду. Следует, однако, еще раз указать на ненамеренность наблюдающейся в лексиконе соотношенности имен на *-тель* с однокорневыми глаголами. В частности, анализ латинской части демонстрирует непоследовательность соотношенности имени на *-тель* и присутствующего в словаре однокорневого глагола.

Латинское соответствие глагола может мотивировать соответствие имени на *-тель* (Redimo (искуплю) – Redemptor (искупитель)). Одно (или несколько, но не все) из соответствий глагола является производящим для одного (или нескольких) из соответствий существительного (Probo. Experior. Tento. Usu exploro (искушаю) – Te[n]tator (temptator). Probator. Examinator (искуситель). Supplanto. Impedio. Obsisto (запинаю) – Supplantator. Interpellator. Obturbator (запинатель)). Есть также примеры, когда соответствия глагола и существительного не соотносятся между собой (Fatigo. Lasso. Defatigo (топлю) – Tyrannus. Cruciator (томитель)).

В то же время соотнесенность имен на *-тель* с однокорневыми глаголами в *Слав.* не могла не появляться, поскольку тяготение подобных образований к глаголам несовершенного вида проявлялось уже на том этапе языковой истории.

Вид не осознавался составителем Словаря как грамматическая категория, заключающая в себе значение результативности, законченности и др. Славянецкий оформляет ощущаемую им тенденцию с помощью семантики, с помощью форм времени, но последовательного разграничения глаголов по виду мы не наблюдаем.

Например, при сравнении латинской части *Слав.* с материалом *Лат.* обнаруживаем, что латинские соответствия лексем **наиматель кому** (locator) и **наиматель у кого** (conductor) объясняются в *Лат.* как **найматель** и **наятель** соответственно. Первое имя соотносимо с глаголом несовершенного вида (**наймати**), второе – совершенного (**наяти**), то есть автор использует видовые различия для дифференциации семантики.

Надо отметить и присутствие в словаре глаголов совершенного вида, о перфективном значении которых свидетельствуют характерные префиксы, наличие соотносимых имперфективов, фиксируемых в словарях, либо соответствующие контексты:

благопострадаю (префикс по-); **въспитаю** (есть **воспитовати** [7, с. 48]); **выну** (есть **вынимати** [7, с. 229]); **засмущаю** (префикс за-); **застаряюся** (префикс за-); **искидаюся** (префикс ис-); **пнүся** (есть **пинати** [8, с. 46–47]); **повѣдаю** (есть **повѣдовати** [9, стлб. 1007]); **подслушаю** (префикс под-); **поткнүюся** (есть **потыкати** [9, стлб. 1305]); **приравняю** (префикс при-); **рѣшү** (есть **решати** [10, стлб. 226]); **слүчися** (есть **слүчатися** [10, стлб. 739]); **смажү** (есть **смазоваю** [10, стлб. 745]); **сржүся** (есть **сражатися** [11, с. 113]); **шблвызаю** (префикс шб-); **шзявнѣти** (есть **озявати** [12, с. 314]); **шплакати** (есть **оплакивати** [13, с. 20]); **штяготѣти** (префикс ш-); **явлюся** (форма будущего простого).

Есть также глаголы двувидовые либо стремящиеся стать таковыми:

велю, молвю, шглаголүю, срнщүся, шклеветүю, шковүю, шкопүю.

По поводу лексемы **шглаголүю** и подобных (**шклеветүю, шковүю, шкопүю**) приведем наблюдения В.Б. Силовой: «Исследование контекстов, в которых они (глаголы на *-ова-*. – А.Б.) зафиксированы, позволило установить, что эти глаголы, как правило, имеют имперфективное значение <...>: **үво показа велье бжье промышленье, но маловѣрье ихъ оглүя**. Рече ПНЧ XIV, 88 б. <...>. Однако некоторые из перечисленных глаголов выступают и в таких употреблениях, которые дают основание предполагать их перфективность. Например, глагол

оглаголовати отмечен в условном придаточном предложении в настоящем потенциальном: **Аще раздражить нас кто ли досадить ли оглүеть ... потъщим ся помянүти слово влды нашего** ПНЧ 1296, 34.

Причину такой неустойчивости видовой принадлежности, очевидно, следует искать прежде всего в двойственности словообразовательной мотивации данного слова. Дело в том, что в роли средства образования отыменных глаголов суффикс *-ова-* не был маркирован с точки зрения собственно видовой, то есть не сообщал этим глаголам никаких специфических видовых значений» [5, с. 137].

Показательно, что ни одна из приведенных глагольных лексем, тяготеющих к совершенному виду либо двувидовости, не имеет в *Слав.* однокорневого образования на *-тель*.

Анализ этих глаголов в сопоставительном славяно-латинском плане необходим для уточнения представлений составителя о виде в современном ему состоянии.

При описании глаголов, тяготеющих к совершенному виду, Славинецкий отступает от принципа начальной формы (*praes. ind. act. 1 Sg*) и употребляет 3 лицо единственного числа: **слүчися** – *accidit*. В качестве латинского соответствия этому явно перфективному образованию (судя по аористой форме) приводится латинский перфект, указывающий на то, что действие закончилось. В другом случае Славинецкий употребляет глагол в форме инфинитива: **отяготѣти** и снова использует латинский перфект – *omustus sum*. В последнем из встретившихся примеров славянский и латинский глаголы употреблены в форме будущего времени: **явлюся** – *apparebo*.

Таким образом, в словаре мы обнаруживаем доказательства того, что процесс оформления категории вида в период создания Лексикона не был завершен. Об этом свидетельствуют разнообразные способы отражения видового значения, используемые составителем, непоследовательность проявления видовых различий, незначительное число образований совершенного вида и отсутствие соотносимых пар.

Завершая анализ представленных в лексиконе *nomina agentis* с суффиксом *-тель*, можно сделать следующие выводы:

1. Как уже отмечалось, словообразовательный тип на *-тель* является вторым по частотности среди СТ со значением *nomina agentis* в словаре после СТ с суффиксом *-ник*. Это положение обусловлено тем, что суффикс *-тель* принадлежал к славяно-книжной стихии, тогда как образования на *-ник* использовались во всех стилях. Вместе с тем суффикс *-тель* в указанный период в исследуемом источнике оформляет исключительно значение действующего лица, чем обусловлена его многочисленность среди подобных имен. Процессуальность подобных образований последовательно отмечена в *Слав.*, она выражается на уровне славянского материала в интуитивно приводимых составителем однокорневых глаголах. При этом, несмотря на незавершенность формирования категории вида в исследуемый период истории языка, в лексиконе явно прослеживается тяготение образований на *-тель* к глаголам современного несовершенного вида, впоследствии закрепившееся как языковая норма.

2. Исследование представленных в двуязычных лексиконах Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского имен лица с суффиксом *-тель* помогает на новом

материале, во-первых, проследить динамику развития видовых отношений глагола в языковом сознании составителя и, во-вторых, восполнить данные исторической лексикографии, не учитывавшей до настоящего времени фактического материала из наследия Е. Славинецкого.

Summary

A.I. Bovsunovskaya. Bilingual Dictionaries as a Source of Literary Russian Language History.

The paper views nomina agentis with the *-tel* suffix in bilingual (Slavonic-Latin) lexicons by the Ukrainian scribes Yephany Slavynetsky and Arseniy Koretsky-Satanovsky. Special attention is paid to the process of forming of verb aspect category which is reflected in the structure of verbal lexemes and their Latin equivalents.

Key words: nomina agentis, verb aspect, bilingual dictionaries, the Latin language.

Литература

1. Німчук В.В. «Лексіконъ латинский» та «Лексікон словено-латинский» і їх місце в історії староукраїнської лексикографії // Лексикони Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. – Київ: Наукова думка, 1973. – С. 5–58.
2. Селищев А.М. Старославянский язык. – М.: УРСС, 2001. – 544 с.
3. Марков В.М. К вопросу о происхождении суффикса *-тель* в славянских языках // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. – С. 91–102.
4. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 151 с.
5. Силина В.Б. Суффикс *-ова-* (*-ева*) как средство выражения видовых различий в древнерусском языке XI–XIV вв. // Исследования по исторической морфологии русского языка. – М.: Наука, 1978. – С. 115–145.
6. Николаева Н.Г. Богословские переводные памятники в истории русского литературного языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2008. – 443 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1976. – Вып. 3. – 288 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1989. – Вып. 15. – 285 с.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб., 1902. – Вып. 2. – 1802 стлб.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб., 1912. – Вып. 3. – 1684 стлб.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 2006. – Вып. 27. – 275 с.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1987. – Вып. 12. – 381 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1987. – Вып. 13. – 316 с.

Поступила в редакцию
16.03.09

Бовсуновская Анна Ивановна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, старший лаборант кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: bowari@yandex.ru